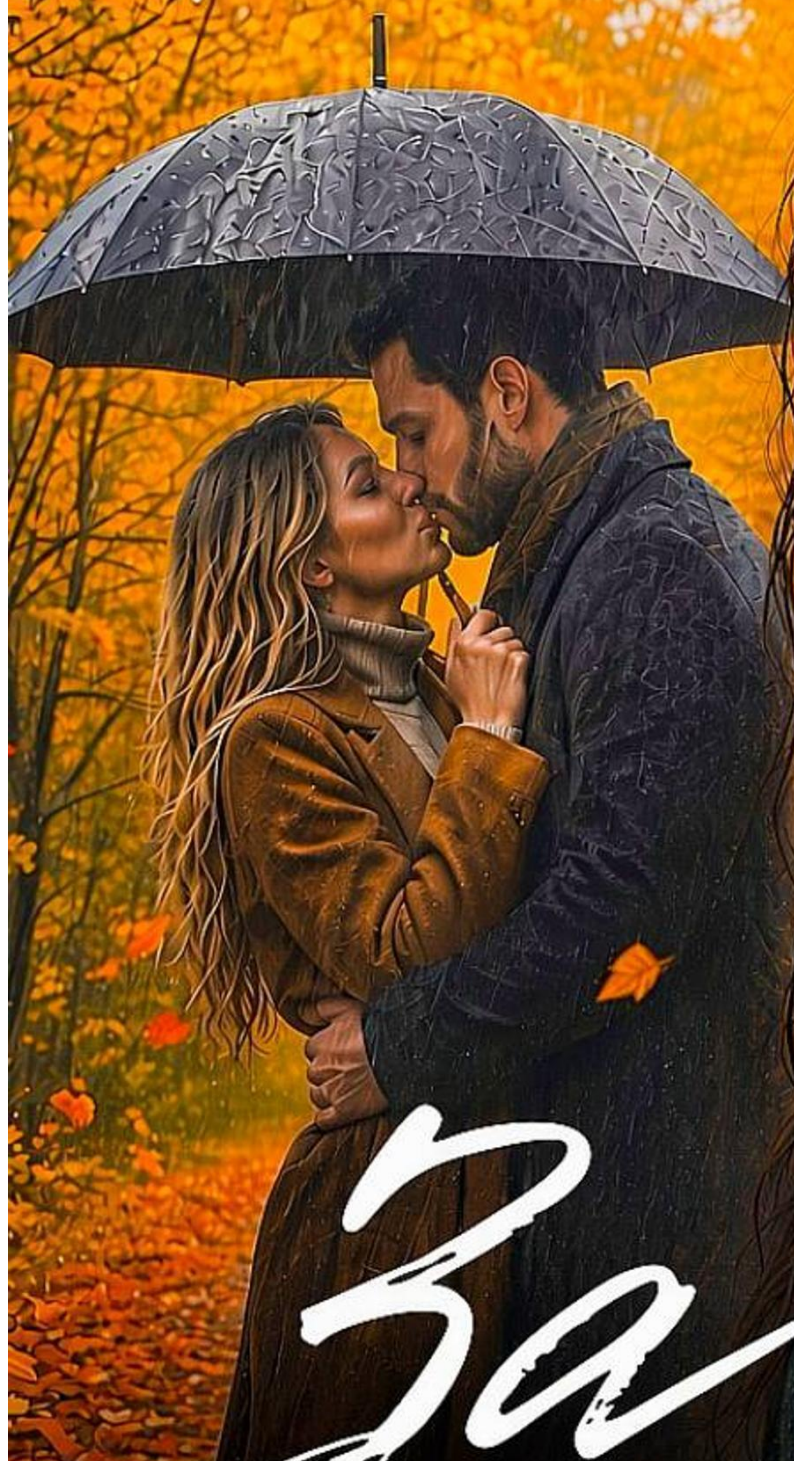

МАРСО
Амса

За
ИЗМЕНУ

подмётная мекка

Алиса Марсо

За измену публичная месть

«Автор»

2026

Марсо А.

За измену публичная месть / А. Марсо — «Автор», 2026

Я вижу их сразу. Два силуэта под черным зонтом. Они целуются жадно, страстно, ненасытно. Я фотограф и поднимаю камеру. Просто снимаю красивую пару и чужую страсть. Идеальный кадр. Пока мужчина не поворачивает голову. Пока свет фонаря не падает на лицо женщины. Я узнаю их. Это мой муж и моя родная сестра. Все обрывается от дикой боли, но палец продолжает нажимать на спуск. Потому что пока я смотрю через объектив – это еще не предательство, это просто кадры. Я опускаю камеру только тогда, когда руки уже не слушаются. Развод? Нет. Зачем торопиться, если можно сначала публично отомстить?

© Марсо А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Алиса Марсо

За измену публичная месть

Глава

Глава 1

Я вижу их сразу. Еще из окна такси, сквозь мутные разводы дождя на стекле.

Два силуэта под большим черным зонтом на аллее. Они стоят слишком близко, двигаются слишком синхронно, и внутри, прямо под ребрами, вдруг вспыхивает тупая, непонятная боль, будто кто-то резко сдавил сердце кулаком и не отпускает.

Я не понимаю, откуда она, и приказываю водителю остановиться.

– Остановите здесь! Прямо сейчас!

Выхожу быстро, почти выскакиваю. Дождь сразу бьет по лицу, холодный, жесткий, но я даже не морщусь. Камера уже в руках, она всегда в руках, это моя работа. Ремень перекинут через плечо на автомате, пальцы сами проверяют настройки, пока ноги несут прямо к ним по мокрой дорожке.

Боль в груди усиливается с каждым шагом. Тяжелая, горячая, будто внутри раскаленный камень. Я дышу поверхностно, коротко, и все равно не хватает воздуха.

Они целуются. Не нежно, не привычным касанием, а жадно, голодно, с такой силой, будто это их последняя встреча или долгожданная.

Мужчина почти поднимает ее над землей, рука на талии сжимается до белых костяшек, вторая держит зонт, и даже сквозь шум дождя и ткань пальто видно, как напряжены мышцы его плеч.

Она отвечает тем же, пальцы впиваются в его пальто, тело прогибается навстречу, голова запрокинута. Поцелуй долгий, огненный, совершенно неподходящий к этой серой, мокрой, безжалостной погоде.

Я поднимаю камеру. Боль вспыхивает сильнее, но я не останавливаюсь. Навожу резкость, ловлю кадр, спуск. Еще. Еще. Пальцы дрожат, но работают быстро, почти лихорадочно.

Мне нужно это, нужно зафиксировать, нужно оставить на матрице то, от чего сейчас рвется что-то внутри.

Они не замечают меня.

Зонт качается, капли срываются с края и падают им на плечи, на волосы, на лица, но они не размыкают губ. Мужчина чуть отстраняется только для того, чтобы сразу впиться снова, ненасытнее, глубже, и она издает тихий звук, который я почти слышу сквозь дождь. Или представляю.

Грудь болит так, что хочется согнуться пополам. Я не понимаю почему и продолжаю снимать.

Кадр за кадром, ракурс ниже, ракурс сбоку, крупнее, еще крупнее. Мне нужно увидеть, как его пальцы вжимаются в ткань ее пальто, как ее губы приоткрываются на секунду между поцелуями, как они оба будто забыли, что вокруг люди, дождь, город, время.

Я на достаточном расстоянии, чтобы продолжать снимать пару незамеченной, только боль отчего-то становится невыносимой, она пульсирует в такт сердцебиению, отдает в горло, в виски, в кончики пальцев.

Я сглатываю, но ком не уходит, глаза остаются сухими, ни одной слезинки, только эта чертова камера и одержимость не упустить ни одного движения.

Мужчина проводит ладонью по ее спине вверх, к лопаткам, притягивает еще ближе. Женщина поднимается на носки. Их силуэты сливаются почти полностью. Зонт больше не спасает, дождь стекает по его рукаву, по ее волосам, но им все равно.

Я делаю еще серию фото, быстро, четко, как будто от этих кадров зависит, смогу ли я, вообще, продолжать стоять.

И только когда он чуть поворачивает голову, когда свет фонаря, наконец, падает на его лицо под нужным углом, когда резкость становится идеальной, я вижу...

Скулу, привычный изгиб губ, родинку у левого виска, знакомый профиль.

Артем. Мой муж.

Камера вздрагивает. Боль в груди вспыхивает белым, ослепляющим светом.

Я моргаю, навожу резкость снова, руки больше не слушаются нормально, но я заставляю их. Еще кадр. Еще.

Это он.

А женщина откидывает голову чуть сильнее, и мокрые светлые пряди спадают с плеча. Я узнаю линию шеи, узнаю ямочку на щеке, которая появляется, только когда она искренне улыбается, узнаю серьгу, которую мама подарила ей на прошлый день рождения.

Лера. Моя родная сестра.

Все внутри схлопывается. Не взрыв, не крик, просто резкое, тотальное обрушение. Боль перестает быть тупой, она становится острой, режущей, такой сильной, что на секунду темнеет в глазах.

Но слез все еще нет, только сухой, горячий ком в горле и руки, которые продолжают держать камеру, будто это единственный якорь.

Я снимаю дальше. Потому что иначе придется признать, что вижу это не через объектив, что все настоящее, в реальности, наяву, а так, пока есть видеоискатель, пока есть кнопка спуска, пока кадры ложатся один за другим, можно еще секунду притворяться, что это просто красивая, страстная пара под дождем.

Он целует ее в уголок рта, потом ниже, в шею. Она выдыхает и сжимает пальцы на его плече. Я ловлю каждый миллиметр, каждый жест, который знаю наизусть, потому что он делал это со мной. Вчера, месяц назад, год назад.

Боль орет внутри так громко, что заглушает даже дождь, но я не останавливаюсь.

Еще кадр.

Еще.

Еще.

Они, наконец, чуть отстраняются. Лоб ко лбу. Улыбаются друг другу той самой улыбкой, которую сообщает о внутреннем счастье. Он что-то шепчет, она кивает, и они целуются снова, медленнее, но все еще голодно, все еще так, будто мир за пределами этого зонта не существует.

Я опускаю камеру, только когда руки перестают подчиняться мозгу.

Пальцы сводит, корпус камеры горячий оттого, как сильно я его сжимала. Дождь стекает по лицу, по шее, затекает под ворот, но я почти не чувствую холода. Чувствую только эту раскаленную дыру под ребрами и тяжелое, одержимое желание нажать на спуск еще раз.

Они не видят меня, до сих пор не видят. Им не до меня.

Руки дрожат и кадр уже плывет. Я, наконец, опускаю камеру, и мир возвращается резким, мокрым, громким существом. Дождь снова барабанит по листьям, где-то далеко проезжает машина, а они все еще стоят под своим черным зонтом и не торопятся расставаться.

Я разворачиваюсь медленно, будто любое резкое движение может разрушить ту тонкую пленку, которая пока еще удерживает меня в вертикальном положении. Иду обратно к дороге, ноги сами находят лужи, сами обходят их, сами несут меня прочь. Камера болтается на ремне, тяжелая, горячая от моих ладоней.

Такси уже уехало. Я останавливаюсь у края тротуара и поднимаю руку. Новый автомобиль тормозит почти сразу, я сажусь на заднее сиденье, называю адрес и прижимаю камеру к груди обеими руками.

Водитель что-то спрашивает про погоду, я киваю, не разбирая слов.

За окном снова плывет осенний город, тот самый, который еще полчаса назад казался невыносимо красивым. Теперь я смотрю на него и не вижу ничего, кроме одного-единственного кадра, который уже навсегда остался у меня перед глазами.

Черный зонт.

Два силуэта.

И поцелуй, от которого не утихает боль, только растет, а я все еще не плачу.

Глава 2

Сообщение от Артема приходит в половину одиннадцатого вечера.

«Малышка, задержусь допоздна. Важная встреча. Не жди. Целую».

Я читаю его трижды, лежа на спине в нашей кровати, и каждый раз слова остаются теми же. Черные буквы на светлом экране, достаточно привычные, такие же, как всегда, когда он действительно задерживался на работе.

Только сейчас я знаю, что «важная встреча» – это черный зонт, чужие губы и моя собственная родная сестра.

Телефон гаснет, я кладу его на тумбочку экраном вниз и продолжаю смотреть в потолок.

Пустота приходит не сразу, сначала еще держится то острое, режущее ощущение: раскаленный камень под ребрами, ком в горле, дрожь в пальцах. Потом оно начинает расползаться, терять края, становиться тяжелым и бесформенным. Как будто кто-то вынул из меня все живое и оставил только оболочку, которая все еще умеет лежать ровно, дышать поверхностно и считать секунды между ударами сердца.

Я не верю до сих пор.

И одновременно уже все знаю.

Эти два состояния существуют внутри одновременно и не спорят друг с другом. Неверие шепчет, что я ошиблась, что свет обманул, что это была другая пара, другой мужчина, другая женщина. А понимание, тяжелое, холодное, окончательное, просто долбит по сознанию и ждет, когда меня расплющит. Глаза-то видели, а мозг уже все зафиксировал.

Дождь за окном не прекращается, капли бьют по стеклу ровно, монотонно, и этот звук становится единственным, который заполняет комнату. Я лежу неподвижно, руки вдоль тела, и чувствую, как боль медленно перетекает из груди в живот, в ноги, в кончики пальцев. Хочется свернуться клубочком и забыться, но тело не слушается даже этого.

Время тянется бесконечно долго. Я не могу заснуть, просто лежу и гоняю мысли от аллеи к кадрам, от зонта к сомкнутым губам.

Хлопает дверь.

Я слышу, как муж снимает ботинки в прихожей, вешает пальто, проходит на цыпочках, хотя знаю, что обычно не старается быть тихим. Матрас прогибается, когда он ложится рядом.

Артем наклоняется и целует меня в висок. Мягко, привычно, как делает это каждый раз, когда возвращается домой поздно.

– Спишь? – голос тихий, чуть хриловатый от улицы. – Прости, встреча затянулась, совсем вымотался.

Я не отвечаю, дышу медленно, размеренно, делаю вид, что сплю и чувствую... чужой запах. Тонкий, сладковатый, с цветочной и дорогой ноткой.

Духи Леры, те самые, которые я помогала ей выбрать буквально две недели назад, убедив, что от женщины всегда должно вкусно пахнуть. Они сейчас на его коже, на шее, наверняка остались на его рубашке. Слабо, но достаточно, чтобы узнать.

Желудок сжимается так резко, что на секунду становится плохо. Я сглатываю, продолжая лежать неподвижно, и чувствую, как пустота внутри вдруг становится горячей, уже не боль, а тошнотворное, липкое осознание.

Артем поворачивается на бок, устраивается удобнее, через минуту его дыхание выравнивается. Спит.

А я лежу, дышу этим запахом и вспоминаю.

Мы познакомились на дне рождения моей однокурсницы пять лет назад. Я пришла с камерой, потому что всегда приходила с ней. Он подошел сам, высокий, уверенный в себе, с легкой улыбкой, которая сразу покоряет и от которой тоже хочется улыбнуться в ответ.

Сказал, что я единственная в этой толпе, кто смотрит на мир иначе. Попросил показать кадры. Потом попросил номер.

Артем ухаживал красиво и совсем небанально. Присылал не цветы, а книги, которые, как оказалось, я давно хотела прочитать. Откуда только узнал? Звал не в рестораны, а на ночные

прогулки по набережной, где мы говорили до утра. Целовал так, будто каждое прикосновение было для него важным. Впервые признался в любви три месяца спустя, сказал это тихо, чертовски серьезно, глядя прямо в глаза, и я тогда поверила сразу и на сто процентов.

Комплименты были точными. Не «ты красивая», а «у тебя такой взгляд, будто ты видишь то, что другие пропускают». Не «я скучаю», а «без тебя день становится плоским». Он помнил, какой я пью кофе, помнил, какие объективы я хочу, помнил наши памятные даты лучше меня.

Свадьба была маленькой, только самые близкие. Лера держала мой букет и плакала от счастья. Артем сказал в тот день, что теперь у него есть дом. Не дом, в смысле имущество, а дом, куда можно возвращаться, семья, любимая. Я тогда была очень счастлива.

Дальше были хорошие пять лет. Я работала фотографом, Артем выигрывал дела, а карьера юриста быстро росла. Мы переехали в эту квартиру, долго выбирали мебель, спорили из-за цвета стен, а потом смеялись. По воскресеньям он готовил завтрак. По пятницам мы смотрели вместе фильмы. Иногда Артем приходил с работы злой и молчаливый, но всегда оттаивал, когда я забиралась к нему на колени, а еще зацеловывала до тех пор, пока он не начинал смеяться. Мы не ссорились почти никогда.

И вот сейчас я лежу рядом с ним и не понимаю.

Когда?

В какой момент он перестал меня любить?

Признаков не было. Он по-прежнему целовал на прощание. По-прежнему спрашивал, как прошел день. По-прежнему крепко держал за руку, когда мы идем по улице.

Мы даже не ссорились толком, последний год точно, и сейчас, глядя в темноту, я вдруг думаю: а может, именно поэтому он был под тем зонтом? Может, люди ссорятся, когда им еще не все равно? Когда есть за что цепляться, что доказывать, что спасти? А когда становится все равно, остается только вежливая тишина и поцелуй в висок перед сном?

Боль снова поднимается к горлу. Я сжимаю зубы, чтобы не издать ни звука.

А Лера...

Я закрываю глаза и вижу ее десятилетней, худой, испуганной, со ссадиной на колене. Потом, после школы, когда сестра не поступила в универ и поругалась с родителями. Я забрала ее к себе.

Снимала ей угол, работала на двух работах, потом на трех. Это потом появился Артем, и мне стало немного легче. Я платила за ее репетиторов, затем за институт, сидела ночами над ее курсовыми, когда она приходила в панике, что не успеет. Устроила на первую практику через своих знакомых, потом на первую настоящую работу. Покупала ей вещи, телефон, вот недавно купила те самые духи.

Для меня сестра – важный, любимый человек. Я всегда поддерживала ее.

– Ты справишься. Я всегда рядом. Мы же сестры.

А она смогла... Смогла вот так... подставить.

Взять и целоваться с моим мужем, зная, что я где-то существую в этом же городе.

Я не понимаю, как это возможно. Не нахожу в голове ни одной причины, которая могла бы это объяснить. Только пустоту и эту медленную, тяжелую боль, которая теперь живет во всем теле, в висках, в затылке, в онемевших руках.

Артем вздыхает во сне и поворачивается ко мне спиной. Запах духов становится чуть слабее, но не исчезает.

Я лежу до самого утра.

Не сплю, просто жду, когда за окном начнет сереть, когда дождь чуть стихнет, когда можно будет встать, не разбудив его.

Встаю тихо, одеваюсь на ощупь, беру ноутбук из кабинета и ухожу на кухню, закрыв за собой двери.

Сажусь за стол, открываю экран и нахожу папку «Мы». Пять лет жизни, тысячи кадров, сотни воспоминаний.

И начинаю удалять.

Сначала свадебные, потом отпуск на море, затем дни рождения, обычные вечера, где мы втроем – я, Артем и Лера смеемся в камеру. Каждый клик звучит слишком громко в тишине кухни. Каждый удаленный файл оставляет после себя еще чуть больше пустоты.

Руки работают точно, глаза сухие, внутри только это тяжелое, безысходное понимание, что назад пути уже нет. Даже если я сейчас все верну, даже если сделаю вид, что ничего не видела, знание никуда не денется. Оно уже ест изнутри.

Когда папка становится пустой, я создаю новую, называю ее «Они» и загружаю туда все, что сняла вчера на аллее.

Кадр за кадром: черный зонт, два силуэта, огненный поцелуй под холодным дождем.

Папка сохраняется, я закрываю ноутбук и сижу на кухне в сером утреннем свете, чувствуя, как пустота внутри, наконец, оформляется во что-то осязаемое.

Я принимаю решение.

А после слышу тихие шаги, ощущаю знакомые горячие руки на плечах и когда-то любимый голос:

– Доброе утро, малышка. Ты чего так рано проснулась? Страшный сон?

Глава 3

Я резко вздрагиваю, так, что плечи сами дергаются. Смотрю на мужа и вдруг понимаю, что не знаю, как себя вести. Совсем.

Можно сейчас же встать, развернуться и сказать все, что я о нем думаю. Можно устроить скандал, можно швырнуть в него кружку, а можно сделать вид, что ничего не было, что вчерашняя аллея мне только приснилась, что запах духов на его коже мне тоже причудился.

Внутри все сжато в один тугой узел.

– Да, – киваю я. – Страшный сон. Такой страшный, что словно настоящий. Никак не могу решить, сон это был или все произошло в реальности.

– Идем со мной обратно в постель, и я покажу тебе, какая в действительности реальность, – шепчет Артем на ухо, обнимает сзади, прижимается щекой к моим волосам, а руки кладет на живот.

Привычный жест, тот самый, от которого раньше становилось тепло, а сейчас меня передергивает так сильно, что он это чувствует.

– Ты чего? – муж хмурится, отстраняется и заглядывает в лицо.

Перед глазами снова вспыхивает вчерашнее: черный зонт, его пальцы на талии сестры, ее губы, приоткрытые между поцелуями. Я моргаю, но картинка не уходит.

– Что-то съела вчера не то, – говорю хрипло. – Тошнит жутко.

И правда тошнит. От его глаз, в которых сейчас только беспокойство, от этой мягкой, заботливой улыбки, от того, как его руки все еще лежат на мне, отдавая свое тепло и намерение, от знания, что этой ночью эти же руки держали другую, что эти же губы целовали другую. А сейчас он стоит здесь и смотрит на меня так, будто я для него единственная.

Желудок поднимается к горлу, я подскакиваю к раковине и включаю воду, чтобы чем-то занять руки.

– Может, таблетку? – Артем уже открывает шкафчик. – Или давай я чай сделаю или завтрак?

– Не надо таблетку. Само пройдет.

Дальше мы завтракаем, как обычно. Я ставлю сковородку, разбиваю яйца, режу хлеб. Движения привычные, автоматические. Артем варит кофе, ставит мне чашку, целует в макушку на прощание.

– Я сегодня в офис уеду пораньше, – говорит он, застегивая рубашку. – Клиент попросился на восемь. Если совсем плохо будет, звони, я вернусь.

Я киваю, смотрю, как он уходит, слышу, как хлопает дверь, и только тогда позволяю себе выдохнуть. Я опираюсь на край стола и стою так минуту, пока тошнота чуть не отступает.

Потом беру камеру, не думаю, все действия на автопилоте, просто беру, проверяю батарею, карту памяти, надеваю плащ и выхожу из дома через двадцать минут после мужа.

Артем поехал на работу на час раньше, хотя никогда не позволял себе забирать у нашей семьи утреннее время. Я уверена, он встречается с Лерой, а так как она живет в нашем районе, значит, они сейчас где-то рядом.

Я иду к небольшому кафе через два квартала, интуиция буквально кричит, что они там. Утренняя встреча перед работой, и это кафе самое лучшее, чтобы сэкономить время. Окна большие, панорамные, столики у стекла. Идеально, чтобы рассмотреть помещение, не подходя близко.

Они уже там.

Сидят у окна. Артем напротив Леры, он смеется, она наклоняется ближе, что-то говорит, и он ловит ее пальцы на столешнице, держит, гладит большим пальцем. Так же, как гладил мои.

Боль возвращается сразу, тяжелая, раскаленная, от груди до желудка. Но я поднимаю камеру, навожу резкость и вдруг понимаю: пока я смотрю через видоискатель, это не мой муж и не моя сестра. Это просто пара за столиком. Чужие люди, чужие жесты, чужой смех.

Объектив отделяет меня от них тонкой, но настоящей стеной. Боль остается, но становится чуть дальше, будто за стеклом, фоном.

Я снимаю.

Кадр за кадром. Как муж наклоняется к моей сестре через стол, как она улыбается той самой улыбкой, когда ямочки на щеках появляются, как их колени соприкасаются под столом, как он на секунду прикрывает глаза, когда она касается его запястья.

Пальцы на спуске работают ровно, а дыхание выравнивается. Я стою за углом здания, частично скрытая вывеской, и снимаю, пока они не встают, пока он не помогает ей надеть пальто, пока они не выходят, не садятся в машину Артема и не растворяются в утреннем потоке автомобилей.

Только тогда я опускаю камеру. Внутри все еще пусто и больно, но эта боль теперь имеет форму. Она умещается в кадры.

Домой возвращаюсь не спеша. Весь день проходит как в тумане, я переносю файлы на компьютер, раскладываю по папкам, смотрю на лица предателей крупным планом и снова, и снова перелистываю их. Не плачу, просто смотрю.

К вечеру сажусь на кухне и смотрю в одну точку на стене напротив, пока за окном не темнеет. Мыслей нет, говорить ни с кем не хочется, даже с собой.

Дверь открывается ближе к девяти, Артем входит радостный, глаза блестят, на губах легкая, довольная улыбка. Он щелкает выключателем, свет бьет по глазам, и он останавливается, увидев меня.

– Ты чего в темноте?

– Так комфортно.

Он подходит ближе, наклоняется и заглядывает в лицо.

– Тебе полегчало?

– Нет. Хуже стало.

– Может, врача?

Я горько усмехаюсь.

– Если только психиатра.

Он хмурится по-настоящему, садится напротив и берет мою руку.

– У тебя точно только тошнота?

– Нет, – отвечаю честно, глядя ему прямо в глаза. – Еще в груди болит. Учащенное сердцебиение, в животе словно камни, ноги ватные, а в голове туман.

Артем сжимает мои пальцы чуть сильнее. Беспокоится.

– Малышка, ты меня пугаешь.

– Я сама себя пугаю.

– Давай я сделаю тебе крепкого чая и уложу спать?

От его заботы тошнит еще сильнее, от этого мягкого голоса, от теплых рук, от того, как идеально он играет любящего мужа. Как будто ночью не было другой, как будто утром не было кафе, как будто он все еще любит меня и бережет.

Я не понимаю, как это возможно? Как можно быть настолько двуличным и при этом выглядеть таким настоящим?

– Артем, – тихо говорю я. – Скажи, ты меня любишь?

Он чуть улыбается, удивленный.

– Что за вопросы, Катюша. Конечно.

Я смотрю на него долго, на эти глаза, в которых сейчас только я, на губы, который еще утром целовали другую.

– А хочешь? – спрашиваю еще тише. – Как женщину?

Он замолкает на секунду, потом наклоняется ближе, касается губами моего виска, и я чувствую, как внутри все снова сжимается до боли.

Когда хотят, в висок не целуют.

Глава 4

Артем на мой вопрос конкретно так и не ответил. Перебил звук клаксона за окном, громкий и протяжный, а затем он сделал вид, что вопроса и не было. Просто обнял, сказал, что я выгляжу измотанной и отвел спать, а сам закрылся на кухне и работал.

Следующий день проходит в одиночестве. У меня много работы, я востребованный фотограф, но руки ни на что не стоят, а в голове туман.

Я быстро набираю номер сестры, не давая себе времени на сомнения. Хочу посмотреть ей в глаза и увидеть в них... Что? Что я хочу там увидеть?

Пальцы находят контакт сами. Гудки длинные, Лера берет быстро, голос чуть глухой, будто я отвлекла ее отчего-то и она говорит со мной, стоя в неудобной позе.

– Алло?

– Привет, сестра, – пытаюсь говорить ровно, но, кажется, голос все равно не мой. – Давно не виделись. Уже недели две. Может, встретимся?

Лера молчит секунду-другую.

– На улице? Кать, погода сегодня просто мерзкая, дождь опять, холодно. Давай я лучше к тебе приеду? Так удобнее.

Я смотрю на серое окно, где капли уже снова рисуют дорожки на стекле, и сама себе киваю.

– Приезжай.

Лера появляется через сорок минут. Влажные волосы на концах, пальто то самое, светлое, длинное. В прихожей она обнимает меня крепче обычного, и я чувствую знакомый запах духов. Тот самый. Живот скручивает, но я улыбаюсь и забираю у нее зонт.

– Ну, наконец-то, – говорит она, разуваясь. – Я уже думала, ты совсем в своей работе закопалась.

– Ты всегда можешь позвонить сама и предложить встретиться или просто приехать в гости, – пожимаю я плечами.

Не так уж я много работаю, стандартный рабочий день пять раз в недели. Да, я могу работать над фотографиями и вечером, и ночью, и на выходных, но это только тогда, когда Артема нет дома или он занят чем-то своим.

Мы проходим на кухню, я ставлю чайник и достаю чашки. Лера садится за стол, оглядывается медленно, будто впервые видит эти стены.

– Слушай, а квартира у вас реально просторная. Я раньше как-то не обращала внимания. Высокие потолки, света много, комнаты просторные, даже лоджия есть. Можно двоих детей спокойно родить, и еще место останется. Уютно так, тепло. Тебе с Артемом точно повезло, Кать. Серьезно. А я вот все каких-то козлов встречаю. То один объявится, пообещает золотые горы и исчезнет, то другой, только и умеют, что ныть. Иногда прямо завидую тебе. По белому, конечно.

Она произносит это легко, с милой улыбкой, размешивая сахар в чашке. Я слушаю внимательно, слишком внимательно и пытаюсь понять, зачем она вдруг все это мне говорит?

– Артем, вообще... – Лера чуть наклоняет голову, – такой собранный, надежный. Рядом с ним сразу спокойно. Ты как за каменной стеной. Я иногда думаю: вот бы мне такого.

– А ты откуда знаешь, что он собранный и надежный? – выгибаю бровь я, а внутри так жжет, словно там рана открытая, а в нее красного перца сыпят.

– Ну, как, – Лера переводит взгляд на окно и словно что-то вспоминает. – Ты никогда не говорила ничего плохого про мужа, да и я вижу, что ты спокойная, не психованная, не замученная, значит, Артем опора и в семье все вопросы решает.

Я сажусь напротив и обхватываю свою чашку ладонями.

– Понятно. Логика железная. Как на работе дела? Все по-прежнему? Чем вечерами занимаешься?

– Да вроде. Рутинка. Начальство бесит, коллеги бесят, но терпимо. А что?

– Просто спросила. Хотела тебя позавчера в парк позвать. Помнишь, мы две недели назад собирались прогуляться, но пошел сильный дождь, я и не позвонила. Может, зря?

Лера пожимает плечами и отпивает чай.

– Я бы все равно не пошла. Сидела дома. В плед укуталась, сериал смотрела, чай пила. Погода была ужасная, не хотелось даже нос на улицу высовывать.

Сестра говорит это все, а голос ровный, не одной паузы, глаза спокойные, почти скучающие. Не понимаю, неужели у нее совести совсем нет, ничего не дергается и не дрожит от такого вранья и предательства.

Так горько становится, я до сих пор не могу поверить, что Лера со мной так поступила. За что, главное?

А еще не понимаю, как правильно поступить. Схватить за патлы и лицом о стол треснуть, так чтобы из носа кровь брызнула или по-человечески, спокойно спросить, почему она со мной так обошлась?

На эмоциях не могу принять решение, а ошибиться больше не хочется.

Мы говорим еще долго: про работу, про старых знакомых, про то, как мама в последний раз звонила. Разговор легкий, сестринский, со стороны Леры с привычными шутками. Вот только каждое ее слово мне внутрь ложится острым краем, я киваю, иногда улыбаюсь, а сама замечаю, как она сжимает чашку, как отводит взгляд, когда речь заходит о выходных.

– Ты занята, что ли? – спрашиваю напрямую.

– Возможно, да.

– Расскажи, – давя я. – Мужчины у тебя нет, сама сказала, друзей тоже. С работы с кем-то пересекаешься?

Но Лера не успевает ответить, входная дверь открывается ключом, и я слышу Артема.

Он входит, стряхивает капли с плеч, снимает пальто и только потом видит Леру. На долю секунды замирает, совсем ненадолго, потом улыбается легкой улыбкой, которую я безумно люблю... любила.

– О, Лера! Привет! Не ожидал, что у нас сегодня гости.

Сестра чуть выпрямляется, плечи напрягаются, взгляд на мгновение цепляется за Артема и сразу соскальзывает вниз, к столу, будто смотреть на него ей неловко. Могу поклясться, что ее бросает в жар, а на щеках вспыхивает румянец.

Интересно, это такая реакция на моего мужа или смущение из-за меня? Или такие подлые люди не умеют смущаться?

– Привет, Артем. Та я ненадолго. С Катей поболтать забежала.

Он кивает, проходит к холодильнику и достает воду. Открывает бутылку, бросает короткие взгляды на Леру, на меня, снова на нее. Пальцы на пластике напряжены, я вижу это, он нервничает, хорошо прячет, но нервничает.

Значит, их роман начался недавно, раз у обоих такая реакция друг на друга при мне. Леру в последний раз я видела две недели назад, именно тогда мы и купили эти духи, и сестра вела себя расслабленно. После этого втроем мы не пересекались.

Лера вдруг резко отодвигает чашку.

– Ладно, я пойду. Не буду мешать.

– Ты чего? – удивляюсь я искренне и одновременно с этим все понимаю. – Оставайся. Я как раз думала ужин быстро приготовить. Поможешь, посидим еще.

– Нет, правда, мне пора. Дела есть. Спасибо за чай, Кать. Рада была повидаться.

Лера быстро обувается, обнимает меня отрывисто, почти формально, и уходит, закрыв за собой дверь.

Артем стоит у стола, крутит в руках бутылку.

– Не знал, что она сегодня будет.

– Я сама не планировала заранее. Просто созвонились. А что, ты против?

– Нет, конечно. С чего я буду против? Это же Лера.

Он кивает сам себе и уходит в спальню, через пять минут выходит уже в свежей рубашке и с портфелем в руках.

– Я только переодеться заскочил. У меня еще одна встреча сегодня, поздняя.

Я смотрю на часы: без десяти семь.

– Останься, перенеси встречу, – говорю я, проверяя, кого мой муж выберет: меня или ее. – Поужинаем вместе. Ты давно не приходил домой к ужину, уже и забыла, когда мы вечер проводили вдвоем.

Артем подходит и целует в висок. Снова в висок.

– Не могу, Катюша, клиент важный. Очень. Если сейчас не решим, потом будет хуже.

– Кто ж с юристами в семь вечера встречается?

Муж разводит руками, улыбается устало, почти виновато.

– Люди, которые хотят развестись, ждать не любят. Чем быстрее оформим бумаги, тем спокойнее им.

Слово «развод» повисает между нами, как плотный туман посреди ясного дня.

Я ловлю себя на том, что до этой секунды мысль о разводе даже не приходила в голову. Была боль, была пустота, были кадры на карте памяти, но не это слово. А сейчас оно звучит слишком четко, пугающе ясно и как-то даже очевидно, необратимо естественно.

Артем еще раз быстро целует меня, но уже в губы и уходит.

Я жду ровно двадцать секунд, потом хватаю куртку, камеру и выскакиваю следом.

На улице еще сумерки, серое небо, мокрый асфальт, редкие фонари только начинают разгораться. Я почти бегу, ругаясь сквозь зубы, что он уже скрылся за углом дома. Сердце колотится так, что отдает в горло. Кажется, сейчас я упущу голубков.

Но нет, я их вижу.

Машина стоит в углу дома, чуть в тени, где фонарь почти не достает, двери закрыты, но внутри еще не темно, и я вижу их.

Мой муж и моя сестра. Они целуются.

Жадно, ненасытно, без всякой осторожности. Они соскучились друг за другом, это видно. Его руки на ее талии, ее пальцы в его волосах. Потом Лера резко перемещается уверенным движением и оказывается у Артема на коленях. Он притягивает ее ближе, она опускает руки между ними, ненадолго замирает, привстает, а затем начинает двигаться, и даже сквозь стекло видно, как они оба забывают обо всем.

Внутри меня что-то схлопывается, и я поднимаю камеру. Руки больше не дрожат, пальцы работают быстро, точно, на автомате.

Спуск. Еще и еще. Крупный план: ее спина, изогнутая, его ладонь скользит под ее свитер, их лица, когда они на секунду отрываются друг от друга, чтобы снова соприкоснуться губами.

Я снимаю их страстную встречу и вдруг понимаю: боли больше нет.

Совсем.

Внутри только пустота и странная, холодная ясность. Но слезы текут сами, медленно, горячие, без моего желания. Они стекают по щекам, смешиваются с дождем, падают на корпус камеры, а я продолжаю нажимать на спуск. Снова и снова.

Пока они не замирают. Пока сестра не возвращается на свое сиденье. Пока машина не заводится и не уезжает.

Только тогда я опускаю камеру.

Слезы все еще текут, но в груди больше не печет, словно тело лечит себя слезами, а лимбическая система отключилась. В голове впервые за эти дни появляется ясная, почти спокойная мысль.

Развод?

Нет.

Зачем торопиться, когда можно сначала публично отомстить.

Глава 5

Я больше не ишу их специально, они сами словно напрашиваются мне на камеру.
Утром Артем уходит на час раньше обычного.

– Клиент из другого города, уже приехал, может только в это время.

Я киваю, целую в щеку и через двадцать минут уже стою с камерой у небольшого отеля через несколько кварталов. Артем никогда не торопится, а у меня уже есть таксист, которому я неплохо так приплачиваю, чтобы он пару раз в день работал исключительно на меня. Мне больше и не надо.

Они всегда появляются отдельно. Сначала она, потом он. Целуются быстро, жадно, прямо у двери, будто времени в обрез. Я снимаю из-за угла, с длинным объективом. Руки уже не дрожат. Совсем.

В другой день я случайно вижу геолокацию «Кофейня на Садовой» в сторис сестры. Опрометчивый поступок с ее стороны, но, видимо, я так отлично играю роль овцы с рогами оленихи, что эти двое не то, что потеряли бдительность, они, вообще, не особо стараются прятаться.

Приезжаю через полчаса, ненасытная парочка сидит у окна, мой муж держит пальцы Леры в своих руках, и большим пальцем нежно гладит костяшки ее фаланг. Я снимаю через отражение в соседней витрине, чтобы не подходить близко.

Иногда помогает обычный календарь на холодильнике. Он пишет там встречи: «18:30 – Петров», но никакого Петрова, конечно, нет, я просто следую в нужное время за своим обалделым от нового счастья мужем и получаю очередную порцию фотографий.

Каждый раз одно и то же: сначала легкий укол под ребрами, потом холодная ясность. Я поднимаю камеру, и мир сужается до кадра.

Дома я сразу сажусь за компьютер, даже не переодеваясь, надеваю наушники, включаю любую музыку, лишь бы чертовски громко, чтобы заглушить не только тишину квартиры, но и собственные мысли, и переносу файлы, раскладываю по папкам с датами, потом открываю и смотрю.

Долго, внимательно, вникая в каждую деталь, в близость прикосновения, в эмоцию во взгляде.

Сначала просто рассматриваю, затем начинаю кадрировать, убираю лишнее, оставляю только их двоих крупным планом. Их руки, губы, взгляды. Я работаю с этими снимками так, будто это чужая история, будто я документалист, который снял случайную пару.

Я профессионал в своем деле, хотя, скорее всего, просто пытаюсь не сойти с ума, но себе в этом вслух не признаюсь.

На третий день мне приходит мысль: черно-белые фотографии. Пусть будут все такие, и только один-два элемента оставить в цвете.

Ее красная помада, его синий шарф, капля дождя на ее реснице, которая вдруг оказывается золотой от фонаря, синяя эмаль автомобиля, сумочка, только платье, только опадающий лист.

Остальное пусть будет графитовым, жестким черно-белым цветом, чтобы зритель сразу понимал: это не про красоту красок, это про то, что нельзя показывать, потому что секрет, потому что чья-то тайна, в то же время чья-то безысходность, а яркий элемент – это их страсть и моя невидимая кровь.

Я пробую, перевожу серию в черно-белое, оставляю цветным только ее губы на одном кадре. Смотрю долго, изучаю, и вдруг не могу понять, где заканчивается измена и начинается работа?

Кадр получается сильным, по-настоящему сильным. Композиция чистая, свет жесткий, эмоция читается без подписей. Если бы я увидела это на чужой выставке, я бы остановилась, цепляет.

И это пугает сильнее, чем сами фотографии, потому что я начинаю гордиться, но не моей выносливостью, а тем, как точно получилось передать момент страсти. Я выросла как профи, я получила новый навык.

Артем приходит вечером, видит меня за компьютером и спрашивает, вздыхая:

– Ты снова до ночи работать будешь? Катя, ты вообще ела сегодня?

Я снимаю наушники и поворачиваюсь к мужу.

– Ела. Не переживай. Просто горю проектом.

Заботливый такой. Зачем?

– Что за проект?

– Большой и секретный. Очень круто получается. Вы с Лерой, как мои самые близкие люди, на выставке будете в первых рядах. Обещаю вас впечатлить. Уверена, вы оцените.

Он усмехается, бросает напоследок:

– Ладно, только не забывай есть и спать, а то сляжешь еще, – и уходит куда-то вглубь квартиры, не знаю куда, в последнее время я перестала этим интересоваться.

На следующий день пишет Лера:

«Ты живая вообще? Увидеться же хотела. Может, кофе?»

Я отвечаю быстро и совершенно безэмоционально:

«Живая. Увидеться не могу, давай сама пока. Работаю. Скоро покажу, над чем. Тебе особенно будет интересно. Обещаю».

Она отправляет в ответ смайлик, а я как заведенная продолжаю работать над фотографиями.

В один из дней ловлю мужа и сестру в торговом центре, случайно, просто зашла за объективом, а они стоят у витрины, он шепчет ей что-то на ухо, она смеется и прижимается ближе. Снимаю на телефон, потом дома переношу на компьютер и обрабатываю. Снова черно-белое, цветным оставляю только блеск ее сережки.

Сажу перед монитором до трех ночи и вдруг понимаю, что уже окончательно не отличаю: это месть или это хорошие кадры? Это проект или я таким образом глушу боль и ухожу от реальности?

Я ловлю себя на том, что радуюсь удачному свету, что злюсь, когда резкость чуть уехала, думаю о том, как эти работы будут смотреться на больших отпечатках.

И чем дольше смотрю, тем сильнее путаюсь. Боль все еще где-то есть, глубоко, но поверх нее уже лежит азарт, холодный, профессиональный, заряжающий.

Вот только, что будет, когда все это закончится? Когда работа схлынет, азарт уйдет, что придет на их место? Выживу ли я тогда? Не знаю, страшно представить.

Через неделю я еду в галерею в центре города, ту, что сдает зал под небольшие персональные выставки. Директор – женщина лет пятидесяти, коротко стриженная, с усталыми глазами. Смотрит мои распечатки молча, листает медленно и, наконец, говорит:

– Жестко. И очень чисто. Эмоции по краю оттенков цвета. Когда хотите зал?

– Как можно скорее.

Она кивает, открывает календарь.

– Есть окно через неделю, зал свободен на десять дней. Предоплата сейчас, остальное за день до открытия.

Я достаю карту, оплачиваю аренду и подписываю договор.

Выхожу на улицу и только тогда замечаю, что руки слегка дрожат оттого, что все становится слишком реальным, а разоблачение очень близким.

Глава 6

Я развешиваю черновики сама.

Зал небольшой, тот самый, что я арендовала под будущую выставку. Белые стены, высокий потолок, свет пока только рабочий, направленный на объекты экспериментально.

На стенах двадцать три крупных отпечатка, все черно-белые с одним-единственным цветным акцентом: красные губы, синий шарф, золотая капля на реснице, сумочка, зонт, сережка. Смотреть на это все со стороны все еще странно, будто это уже не моя история, а заказанный проект.

Сегодня не открытие, просто закрытый просмотр. Я позвала двоих фотографов, с которыми пересекалась на заказах, одну знакомую женщину-критика из небольшого издания и парня из местного медиа.

Нужно посмотреть, как ложится свет, где бликует стекло, какие кадры лучше сдвинуть, какие оставить в центре. Обычная рабочая история перед официальной выставкой.

Они ходят тихо, переговариваются вполголоса, кто-то хмурится, кто-то долго стоит у одного кадра и потом возвращается к нему снова. Я стою чуть в стороне с бутылкой воды и слушаю обрывки фраз.

«Очень тонко».

«Свет хороший».

«А это что за серия вообще?»

Я не отвечаю, просто киваю в знак принятия информации, когда ко мне обращаются.

Он появляется ближе к концу.

Высокий, в темном пальто, без шарфа. Лет под сорок, спокойный, собранный, короткие темные волосы, тяжелый внимательный взгляд. Он высокий, сразу видно, что широкоплечий, лицо привлекательное, взгляд решительный, непоколебимый.

Заходит уверенно, кивает девушке у входа и сразу идет к дальней стене. Там висит работа, которую он, видимо, должен забрать. Я мельком слышала, что сегодня забирают пару вещей из постоянного фонда.

Мужчина уже берет раму в руки, разворачивается ко выходу и вдруг останавливается.

Дверь в наш зал приоткрыта, свет падает на первые отпечатки, незнакомец смотрит секунду, другую, потом не спеша с любопытством заходит.

Никто его не останавливает, он подходит к первой работе, потом ко второй, идет вдоль стены молча, руки свободны, голова чуть наклонена. Смотрит долго, не как зевака, а как человек, который разбирается в искусстве, как мужчина, который имеет жизненный опыт и умеет видеть задуманный сюжет. Он останавливается у каждого кадра дольше, чем остальные, иногда делает шаг назад, иногда подходит почти вплотную.

Я наблюдаю за ним из своего угла и чувствую, как внутри что-то напрягается.

Когда мужчина доходит до последнего отпечатка, того, где парочка в машине, в сумерках, героиня у героя на коленях, незнакомец замирает особенно надолго. Он стоит неподвижно, затем медленно поворачивается и впервые смотрит прямо на меня.

Глаза темные, спокойные, без жалости, но с легким любопытством и пониманием.

Мужчина подходит и останавливается в двух шагах от меня, не нарушая дистанцию.

– Это ваша серия?

Голос низкий, ровный, вибрирующий.

– Моя, – отвечаю я, а внутри возникает волнение, словно мне важно мнение других.

Мужчина кивает, снова бросает взгляд на стены.

– Сильная. Очень. Виден замысел.

Я чуть сжимаю бутылку в руках.

– Спасибо.

Он молчит еще секунду, будто внезапно заявляет.

– Я хочу выкупить ее целиком. Всю. Со стопроцентной предоплатой.

Вот так, без разгона, без предисловия, без излишней лести.

Я поднимаю брови в удивлении, но все же заявляю честно.

– Серия создавалась не для продажи.

– Тогда для чего? – теперь вскидывает брови незнакомец.

Я смотрю на него прямо и снова решаю сказать правду. Почему-то с этим мужчиной не хочется юлить.

– Для освобождения.

Он чуть наклоняет голову и смотрит мне прямо в глаза так пристально и проникновенно, что мурашки бегут по спине.

– У серии есть название?

– Еще нет.

– Тогда назовите ее «Страсть измены». Честно и сразу понятно, с чем имеешь дело.

Я тихо выдыхаю. Этот человек только что за секунду решил мою проблему с названием.

– Идеальное сочетание слов, – я прокручиваю еще раз предложенное название в голове и смотрю на свои работы.

– А что вы собираетесь делать с этими работами после выставки?

– Наверное, сожгу, – пожимаю я плечами.

Мужчина смотрит на меня внимательно, но уже без тени на какую-либо улыбку.

– Могу предложить вариант лучше. Продайте ее мне, и вы получите не только освобождение, а еще и деньги. Нормальные деньги. Так сказать, заработаете на... «Страсти измены».

Я молчу, не знаю, как реагировать на предложение незнакомца, а он достает визитку и протягивает мне.

– Подумайте, если решите не сжигать, позвоните. Я серьезно.

Я беру карточку. На плотной бумаге Кирилл Сергеевич Воронов, управляющий директор инвестиционного фонда «Капитал».

– Как вы поняли? – решаюсь я на этот вопрос, который возник сразу, как только этот мужчина предложил название.

Кирилл чуть пожимает плечами.

– Я взрослый мужчина и в этой жизни очень многое понимаю.

Кивает на прощание и уходит так же спокойно, как появился, забрав свою раму.

Парень из медиа уже строчит что-то в телефоне. Завтра у него в черновиках наверняка будет заголовок «Миллион за измену». Я узнаю об этом только утром, когда он пришлет на согласование свою статью, и совсем не знаю, соглашусь ли.

А пока я остаюсь стоять посреди зала и думать над внезапным предложением Кирилла Сергеевича Воронова. Моя цель – это разоблачение и освобождение, но я совсем не думала, что на этой серии могу заработать.

Фотографы еще о чем-то спорят у дальнего кадра, критик записывает заметки, а свет все также падает на черно-белые отпечатки с единичными цветными пятнами.

Я подхожу к одному из них и долго смотрю. Внутри впервые за эти дни не только пустота, но и что-то похожее на холодный, расчетливый интерес.

На своей боли действительно можно не только выжить и не только отомстить.

На ней, оказывается, можно заработать.

Я приезжаю в зал галереи рано утром, пока еще нет никого.

Свет холодный, косой, падает полосами через высокие окна. Разворачиваю новые распечатки, уже на нормальной бумаге, тяжелые, плотные, и начинаю прикидывать расположение. Прикладываю к стене, отхожу на середину зала, снова подхожу, сдвигаю на сантиметр. В этот раз все начистовую, так, как будет представлено в день выставки.

Куратор-женщина появляется через час, проходит вдоль стены, останавливается у нескольких кадров, пристально вглядывается, подолгу не отводит глаз и, наконец, разворачивается ко мне.

– Впервые такое вижу, – говорит она. – Серия очень эмоциональная, и при этом фонит сразу двумя вещами: страстью и ложью. Одновременно. Редко получается так чисто.

– Просто актеры отлично вжились в роль, – бросаю я и хмыкаю.

– Как назовете проект?

Я задумываюсь лишь на секунду, затем в голове всплывает предложение Кирилла Воронова, и все вопросы отпадают сами.

– «Страсть измены».

Куратор чуть прищуривается, но кивает.

– Хорошо. Прямо в лоб. На такой серии можно нормально заработать, если не стесняться. А если выставкой публично поднять общественно значимую тему измены, то у вас, Катя, могут появиться новые заявки. Бюджетными и общественными организациями сейчас активно поддерживаются проекты нравственного значения: примирение в семье, многодетность, отказ от абортов, тунеядство и подобное.

На долю секунды меня охватывает азарт, но я быстро сдуваюсь. Я не думала так сильно масштабировать этот проект, нет, моя цель – избавиться от боли и чувства неполноценности, наказать предателей, но не зарабатывать на этом всем, не делать сенсацию и шоу.

– Я подумаю. Задачи такой не было. Ваше предложение очень разумно в части маркетинга, но я хотела, чтобы выставка была для узкого круга людей и короткой по срокам. День-два.

– Подумайте, Катя. Я, как куратор не могла не предложить вам расширение, если работы можно перевести в коммерцию.

Руководитель выставки еще минут десять обсуждает со мной свет и порядок работ, потом уходит, оставляя меня одну среди черно-белых впечатлений с цветной каплей моей души.

Она уходит, но вот ее слова остаются.

«Можно нормально заработать».

Я достаю визитку из внутреннего кармана плаща и задумчиво поглаживаю бумагу. Гладкая, плотная, теплая. Уже два человека говорят мне о том, что я могу заработать на своей боли, и пусть я изначально не собиралась этого делать, я, как в тумане достаю телефон и набираю номер.

Он берет почти сразу.

– Да, слушаю, – голос низкий, спокойный, чертовски самоуверенный.

– Здравствуйте, Кирилл Сергеевич, это Екатерина, фотограф из галереи.

– Здравствуйте, Катя. Я помню вас, ждал звонка. И давайте без отчества.

– Хорошо. Я хочу обсудить ваше предложение. Можно встретиться сегодня?

Пауза буквально секунда.

– Через час. Кафе напротив вашего зала. Я буду.

Когда я прихожу, Кирилл уже сидит у окна. Пальто перекинута через спинку, перед ним черный кофе, выглядит спокойно, собранно, как человек, который никуда не торопится и ни от кого не зависит.

Я сажусь напротив и жутко нервничаю.

– Передумали насчет костра? – спрашивает мужчина, чуть улыбаясь.

– Еще нет. Хочу сначала переговорить с вами.

Кирилл кивает, будто ему совершенно все равно, что я могу бессмысленно отнять его личное время, но предложение так и не принять.

– Закажите что-нибудь, – мужчина пододвигает ко мне меню. – Вы сегодня с утра, наверное, только кофе пили.

Я непроизвольно улыбаюсь и заказываю чай с салатом. Очень пронизательно. Этот мужчина удивительным образом точно считывает людей и происходящее вокруг.

Пока я выбираю и делаю заказ, он молчит и смотрит, не в упор, но внимательно, так, что становится чуть неуютно от такого однозначного интереса и одновременно спокойнее.

– Откуда силы? – вдруг спрашивает Кирилл, а я практически давлюсь глотком чая.

– Сил нет, как особо и выбора. Я превратила это... их... в работу, в кадры, в эскизы. Пока снимала и монтировала, держалась, воспринимала, как проект, как заказ, абстрагировалась, а сейчас, когда выставка близко... мне страшно.

– Чего вы боитесь, Катя?

– Что когда выставка закончится, закончусь и я. Я не прожила ситуацию, придала ей форму фотографии, непрожитые эмоции забетонировались, но никуда не делись. И когда выставки не станет, не останется и смысла вставать по утрам.

Голос под конец чуть садится, и я замолкаю. Зачем я это все говорю этому мужчине? Он бизнесмен, он увидел коммерческий проект и пришел обговорить условия. Стыдно.

Кирилл молчит несколько секунд, смотрит на меня тяжелым, но решительным взглядом, поджимает губы, расслабляет их снова и уверенно говорит:

– Я вам не позволю.

Я поднимаю глаза и решаю, что мне послышалось.

– Что? – глупо переспрашиваю.

– Я говорю, что не позволю вам, Катя, закончиться, не позволю сдать. Смысл будет.

Кирилл говорит это таким невозмутимым тоном, что создается впечатление, что он твердо для себя уже все решил. Наверно, собирается предложить мне еще один проект, как и прогнозировала мой куратор.

– Простите, Кирилл, что вываливаю на вас все это. Мое душевное равновесие не имеет никакого значения, вы встретились со мной обговорить условие сделки, а я тут о себе.

– Катюша, это же я первым затронул тему вашего состояния, а я не веду пустых разговоров. Мне это важно.

– Прости, что важно? – я не до конца понимаю, что имеет в виду Кирилл, но сердце отчего-то быстро и очень взволнованно бьется.

А может, я все прекрасно понимаю, просто не допускаю даже мысли на такое развитие событий.

– Мне важно ваше, Катя, душевное равновесие. Я буду откровенен, ваши работы меня привлекли, очень сильные, они просто кричат о чужой страсти и вашей боли. Затем сильно зацепили вы. Такое бывает, когда достаточно одного взгляда, непродолжительного разговора, чтобы мужчина захотел сделать жизнь женщины легче. Я захотел.

Я теряю дар речи. Однозначно этот мужчина привлек мое внимание: очень уверенный в себе, четко выстроенные границы, эмоциональная стабильность, знает, чего хочет от жизни и видно, что всегда достигает цели, самодостаточный, много жизненного опыта, но чтобы молодая девушка с потухшим взглядом привлекла внимание такого мужчины, я не ожидала.

Видимо, я долго молчу, потому что Кирилл чуть улыбается уголками губ и без всяких ожиданий говорит:

– Катя, выдыхайте, мое откровение ни к чему вас не обязывает. Я лишь сказал, что вам не стоит ничего бояться, чтобы вы не думали, теперь есть кто-то, кто за вами присмотрит. Это все. Я предпочитаю прямоту и честность.

Я чуть усмехаюсь, но скорее истерично.

– Вы даже не знаете меня. Ничего обо мне не знаете. Может, это я настолько некомфортная, что мой муж пошел на сторону?

– Я знаю достаточно, Катюша. Вчерашние работы многое показали. Да и я не вчера родился, много разных людей встречал и прекрасно в них разбираюсь. А еще у меня нет привычки, кидаться в омут с головой. Так бизнес не построишь.

– Навели справки? – я вскидываю брови в изумлении, но не испытываю возмущение, скорее приятно, что мной так интересуются.

Кирилл отодвигает свою чашку, наклоняется чуть вперед и опирается предплечьями на стол.

– Я могу закрыть все расходы на выставку, полностью: печать, аренда, свет, реклама, все текущие расходы, есть еще нюансы, они юридического характера, но их я решу уже сам, без вашего участия. Что скажете? Взамен хочу только одного, чтобы после выставки вся серия была передана мне. Предоплату я переведу накануне. А после выставки вы поужинаете со мной. Просто ужин в ресторане.

– Просто ужин? А что вы собираетесь делать с фотографиями?

– А это вы узнаете за ужином.

Я смотрю на мужчину и впервые замечая мелочи: легкую усталость в уголках глаз, спокойную силу в том, как он держит плечи, отсутствие любой спешки. Он не давит, не уговаривает, просто интригует и ждет, когда мое любопытство возьмет вверх.

– Почему вам не все равно? – тихо спрашиваю.

Он чуть пожимает плечами.

– Потому что редко встречаешь человека, который смог превратить такую боль в нечто стоящее. Вы сильная девушка, Катя, а инстинкт любого нормального мужчины – защитить женщину, подставить плечо, решить ее проблемы и сделать так, чтобы она улыбалась. Вы очень красивая, Катя, невероятно, а еще талантливая и с характером, в ваших работах видна страсть, с этим тоже все прекрасно, и я чертовски сильно хочу увидеть вашу настоящую, легкую, ничем не омраченную улыбку.

Я смущенно отвожу взгляд к окну. За стеклом обычный день, люди с зонтами, мокрый асфальт, капли дождя с неба, а внутри впервые за долгое время появляется не только пустота, появляется что-то похожее на точку опоры.

– Хорошо, – говорю я, переводя тему с меня на работу. – Давайте попробуем. С выставкой.

Кирилл кивает, чуть улыбаясь, и эта улыбка мне очень приятна.

– Тогда завтра в одиннадцать, в моем офисе. Привезете список того, что нужно. И, Катя. Я смотрю прямо ему в глаза.

– Вы не одна. Даже если сейчас так не кажется.

Глава 8

Я приезжаю в офис ровно в одиннадцать.

Здание высокое, стеклянное, с просторным мраморным холлом и охраной, которую уже поставили в известность о моем приходе. Меня провожают наверх без лишних вопросов.

Кабинет большой, светлый, почти пустой: длинный стол, несколько кресел, панорамное окно на город, одна абстрактная работа на стене. Никакого лишнего шума, ни в интерьере, ни в разговорах.

Кирилл поднимается навстречу сразу, как только я переступаю порог.

– Здравствуйте, Катя.

Он подходит и помогает снять плащ. Берет за плечи уверенно, но осторожно, словно боится спугнуть своим прикосновением, снимает плащ и вешает на вешалку у двери.

Жест простой, выверенный этикой, но его пальцы все же на секунду задерживаются на моих руках, я чувствую это, и внутри все реагирует легкой, приятной дрожью.

– Кофе? Или чай?

– Кофе, пожалуйста.

Кирилл сам наливает из небольшой турки и ставит чашку передо мной. Садится напротив, отодвигает стопку бумаг к краю стола и отдает мне все свое внимание.

– Кофе вкусный, варится на песке. Я люблю качественные вещи, могу себе позволить, поэтому и кофе не из капсулы кофемашины.

Я аккуратно пробую обжигаяще горьковатый напиток и согласно киваю.

– Это и правда вкусно, Кирилл. Спасибо, – искренне соглашаюсь я, а мужчина просто кивает и переходит к делу.

– Покажите, что нужно по выставке. Расчеты, список расходов, макеты, все, что есть.

Мы начинаем работать. Я раскладываю распечатки, таблицы, варианты буклета, рекламные макеты и передаю Кириллу.

– Мой куратор предложила публично анонсировать выставку для освещения общественной темы, как измены в семьях. Я не знаю, стоит ли это делать, но если да, то расходы увеличатся.

– Катя, вы впервые организовываете выставку подобного рода? Личную, я имею в виду.

– Да. До этого я участвовала в показах работ, но в составе группы фотографов и на заявленную тему. Работы готовились в тандеме с моделями серии. Так, чтобы личную, без позировки героев, фото не было.

– Я так и понял, – кивает Кирилл и снова что-то пишет.

– Что-то не так? – хмурюсь я, ощущая необъяснимое беспокойство.

– Все так, Катя. Ваши работы потрясающие.

– Тогда к чему был вопрос?

– Вы не учли некоторые важные нюансы, и я понимаю, что в первую очередь, это из-за эмоционального порыва, а во вторую, отсутствие опыта.

– И что же это?

Кирилл откладывает ручку и долго, очень пристально смотрит мне прямо в глаза.

– У вас удивительно глубокие глаза, Катя, в них прячется столько эмоций, что и слов не надо. Я очень вам порекомендую в центре вашей экспозиции расположить снимок ваших глаз. Они будут как итог, словно подведенная черта, они передают все мысли и переживания каждой женщины, которые прошли через подобное.

Теряюсь от такого разворота разговора и буквально зависаю на темных глазах Кирилла. Я вижу, что он не шутит, абсолютно серьезен, и непривычное тепло тут же растекается по внутренним органам.

– Я поняла вашу мысль, Кирилл, с точки зрения завершенности темы очень дельный совет. Я попробую исполнить вашу просьбу, но что насчет нюансов, которые я не учла?

– Катя, я понимаю, что мы знакомы крайне мало, но скажите, прислушавшись к себе, вы мне доверяете?

Я и правда, задумываюсь.

– Интуитивно, да.

– Тогда разрешите мне позволить вам заниматься только той частью организации выставки, которая приносит вам пользу, удовлетворение, освобождение, которая лечит вас. А все нюансы и бюрократию оставьте мне.

Я еще несколько секунд сомневаюсь, а потом соглашаюсь. Я действительно ощущаю себя рядом с этим мужчиной в надежных руках. Возможно, это безрассудно, возможно, меня жизнь ничему не научила, и я зря доверяю мужчинам в целом, но с Кириллом почему-то совсем не хочется иначе.

Кирилл улыбается, и мы возвращаемся к работе, он задает короткие точные вопросы по поводу расширения публики, иногда делает пометки в планшетнике. Все очень по делу, никаких больше лишних тем и разговоров.

Но между делом происходят мелочи. Кирилл пересаживается на мою сторону, чтобы видеть ту картину, которую вижу я при раскладке экспозиции, а когда тянется через стол за одним из отпечатков, кладет горячую ладонь мне на спину, между лопаток, и я чувствую, как он отдает мне свое тепло.

Чуть позже, когда я склоняюсь над макетом, он убирает прядь волос у меня от лица, заправляет за ухо одним спокойным движением.

– Закрывали кадр, – говорит он невозмутимо. – Извините.

Я киваю, мол, не страшно, но внутри что-то опасно отзывается: не боль, не привычная пустота, а что-то другое, теплое, настороженное, совсем незнакомое.

Потом Кирилл передает мне вариант текста для каталога, и наши пальцы сталкиваются на краю листа. Он не отдергивает руку сразу, держит мгновение, даже дольше, чем нужно для передачи бумаги, и снова, будто ничего особенного не произошло, а меня в груди трепет.

Я замечаю каждое его прикосновение, и каждый раз внутри что-то мягко, но ярко вспыхивает.

Мы работаем больше двух часов, разговор все время остается рабочим, но атмосфера между нами уже другая, словно мы знакомы несколько месяцев.

– Меня все устраивает, а у вас, Катя, остались замечания?

– Нет, только одно уточнение. Изначально я не планировала выводить серию на всеобщее обозрение, целью был закрытый показ для группы лиц, а для героев проекта происходящее должно было быть сюрпризом.

– Понимаю, – кивает Кирилл. – Это разумно.

– Да, поэтому анонсировать выставку как общественно значимую тему я не против, но не до ее открытия. Один день... мне нужен один вечер, а дальше можно публиковать рекламу, статьи и выпускать в свет буклеты.

– Договорились. Голодны? – вдруг спрашивает Кирилл, откладывая ручку. – Есть хорошее место в двух кварталах. Тихое, можно спокойно поговорить.

Я соглашаюсь.

В ресторане почти никого, свет мягкий, столы далеко друг от друга. Кирилл заказывает за нас обоих, не спрашивает ничего, но на удивление угадывает точно, чтобы я сейчас съела, словно понял мои вкусы и предпочтения в прошлую нашу встречу.

Пока ждем заказ, он внезапно рассказывает о себе.

– Я вырос в небольшом городе. Отец рано ушел из жизни, мать работала на двух работах. Я с пятнадцати лет уже понимал, что если сам не вытащу себя, никто не вытащит, поэтому привык решать все сам. Иногда слишком жестко, иногда слишком быстро, но иначе не умею.

– Это вы про напор и нюансы? – я даже улыбаюсь его такому объяснению.

– Я старался не напирать, – Кирилл смеется и выходит так по-мальчишечьи, что я засматриваюсь его улыбкой.

– Это на самом деле заметно.

Мы продолжаем болтать, приносят заказ, мы обедаем, Кирилл рассказывает историю про одного своего партнера, который в важной презентации перепутал финансовые таблицы с детскими рисунками сына и чуть не отправил их серьезному клиенту.

Я смеюсь, правда, смеюсь, неожиданно от души. Я представила эту ситуацию, представила лицо партнера, предполагаемое выражение лица клиента, и снова смеюсь.

Вдруг Кирилл замолкает и не отводит глаз.

– У вас красивый смех, – говорит он прямо, а я смущаюсь и отвожу глаза к окну.

– Спасибо, наверное, мне уже пора. Дел еще много.

Кирилл не спорит, просто поднимается вместе со мной, помогает надеть плащ, у машины открывает дверь с пассажирской стороны.

– Я вас отвезу.

– Не стоит. Я могу...

– Стоит, – перебивает спокойно, но твердо. – Садитесь.

И я сажусь. Кирилл ведет уверенно, не торопясь. Город за окном плывет серый и мокрый. Я смотрю на него и чувствую, как непривычное тепло внутри меня все еще не уходит, и оно больше не пугает так сильно, как в день нашей первой встречи.

У моего дома Кирилл глушит мотор. Я уже тянусь к ручке двери, когда он ловит мое запястье. Пальцы теплые, сильные, но держат легко, бережно.

– Если не хотите... можете не идти домой.

Я поворачиваю голову и смотрю на него с изумлением.

– А где мне тогда ночевать?

Кирилл смотрит прямо, без улыбки, без давления, уверенным и серьезным взглядом.

– У меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.